

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ АВТОРА ЧИТАТЕЛЮ

Согласно множеству выводов и заключений сделанных мною при экспериментальных выяснениях продуктивности восприятия современными людьми новых впечатлений, от услышанного и прочитанного, а также согласно смыслу одного только что мне припомнившегося, дошедшего до наших дней с очень древних времен, изречения народной мудрости, гласящего:

Всякая молитва может быть Высшими Силами услышана
И за нее получится соответствующее воздаяние только тогда,
Если эта молитва будет произнесена трижды:
В первый раз — во здравие или во упокой своих родителей,
Во второй раз — во здравие ближнего своего,
И только в третий раз — для своего личного блага.

Нахожу нужным, на первом листе этой первой вполне законченной для обнародования книги, преподать следующий совет:

Всякое мое письменное изложение — читайте трижды:

В первый раз — хотя бы так, как вы уже намеханизировались читать всякие современные книги и журналы.

Во второй раз — как бы для постороннего слушателя.

И только в третий раз — попытайтесь проникнуть в суть мною написанного.

Только после этого вы можете рассчитывать приобрести свое собственное беспристрастное, одному вам свойственное суждение о моих писаниях. Вот только тогда осуществится моя надежда, что вы сообразно вашему пониманию получите для себя мною предполагаемую и всем моим существом желаемую определенную пользу.

ГЛАВА I

БУЖЕНИЕ МЫСЛИ

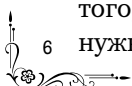
В числе образовавшихся в моем общем наличии за период моей уже ответственной, своеобразно сложившейся жизни убеждений, имеется и такое несомненное убеждение, что всегда и всюду на Земле у людей всяких степеней развития сообразительности и со всякой формой проявляемое образовавшихся в их индивидуальности факторов для всевозможных идеалов, приобреталось обыкновенно при начале всякого нового дела обязательно произносить вслух или по крайней мере подумать про себя то определенное, понятное всякому, даже совсем неученому человеку, возгласение, которое в разные эпохи формулировалось словами различно, а в наше время — следующими словами: «Во имя Отца, Его Сына и во имя Святого Духа, Аминь».

Вот и я тоже, приступая сейчас к этому для меня совершенно новому делу, то есть — к писательству, начинаю с произношения этого же возгласения и произношу его не только вслух, но даже очень и очень внятно и с полной «всецело-проявляемой-интонацией», как это определяли древние тулузиты, конечно с такой полнотой, какая только могла возникнуть в моем общем наличии от результатов уже сложившихся и глубоко внедрившихся в нем данных для такого проявления, именно данных, которые образуются вообще в натуре человека за период подготовительного возраста и потом за время его ответственной жизни порождают в нем для проявления природу и животворность таковой интонации.

Начав так, я должен, значит, теперь быть совершенно спокойным и даже, согласно имеющимся у людей понятиям религиозной морали, быть без всякого сомнения уверенным в том, что все дальнейшее в этом для меня новом деле, как говорится, «пойдет-как-по-маслу».

Во всяком случае, я начал именно так, а как дальше пойдет — можно пока выразиться, как сказал слепой — «посмотрим».

Прежде всего я положу мою собственную руку, причем правую, которая, хотя в данный момент и является немного поврежденной из-за происшедшего со мной несчастья, зато действительно моя собственная и за всю мою жизнь мне ни разу не изменявшая, на мое сердце, конечно, тоже собственное; что же касается того, изменяла ли или не изменяла мне эта часть всего моего целого, я не нахожу

писать совершенно не хочется, но к этому меня вынуждают совершенно от меня независимые, создавшиеся окружающие обстоятельства, — обстоятельства, случайно ли возникшие или намеренно созданные какими-либо посторонними силами, этого я сам пока еще не знаю, а знаю только, что эти обстоятельства повелевают мне писать не что-либо «так-себе», как, например, что-либо для чтения «на-сон-грядущий», а капитальные, толстые книги.

Как бы там ни было, я приступаю.

С чего же начать?..

О, дьявол! Неужели повторится то же самое, очень и очень неприятное и в высшей степени странное ощущение, которое мне пришлось испытать, когда я около трех недель тому назад в мыслях своих составлял схему и последовательность идей, предпретенных мною к обнаружению, и не знал тоже, с чего начинать.

Это тогдашнее (тягостное) ощущение я теперь мог бы формулировать словами только так: «боязнь-погибнуть-от-наводнения-собственных-мыслей».

Тогда я еще мог, чтобы прекратить в себе это нежелательное ощущение, прибегнуть к помощи имеющегося и во мне, как в современном человеке, того злого свойства, которое сделалось присущностью всех нас и способствует без испытывания какого бы то ни было угрызания совести откладывать все что угодно «на послезавтра».

Это я мог сделать тогда очень легко, потому что до начала самого акта писания предвиделось много времени, но теперь этого сделать уже никак нельзя, а надо непременно, как говорится, «хоть-тресни-а-начинай».

На самом деле, с чего же начинать?

Ура! Эврика!

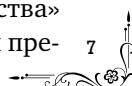
Почти все книги, которые мне приходилось в жизни читать, всегда начинались с предисловия.

Значит и мне надо начать с чего-либо вроде этого.

«Вроде этого» — сказал я, потому что вообще всегда в процессе моей жизни, почти уже с тех пор как я начал отличать мальчика от девочки, я стал делать все, решительно все, не так, как делают другие окружающие подобные мне, тоже двуногие истребители добра природы. Поэтому теперь я и в писательстве должен и даже, пожалуй, уже принципиально обязан поступить не так, как это сделал бы всякий другой писатель.

Во всяком случае, вместо общепринятого предисловия, я просто-напросто начну с предупреждения.

Начать с предупреждения будет, по-моему, самым правильным, хотя бы только потому, что это не будет противоречить никаким моим ни органическим, ни психическим, ни даже «самодурным» наклонностям и принципам, а в то же время будет совершенно честно, конечно в объективном смысле, потому что как мною лично, так и всеми другими, уже близко знающими меня, ожидается с несомненной уверенностью, что из-за моих писаний у большинства читателей сразу, а не постепенно, как это рано или поздно должно от времени случиться вообще у всех людей, совершенно исчезнут все имеющиеся в них, как по наследству к ним перешедшие, так и собственным опытом приобретенные «богатства» в виде успокаивающих, вызывающих только наивные мечтания, понятий и пре-

краснейших представлений как о настоящей своей жизни, так и об ожидаемых перспективах в будущем.

Подобные вступления профессиональные писатели обыкновенно начинают с обращения к читателям всевозможными высокопарно-возвеличивающими, так сказать, «усласенно-пуфукающими» титулованиями.

Вот, пожалуй, единственно в этом я и возьму с них пример и тоже начну с такого обращения, но только постараюсь не с очень «притворного», как это у них обыкновенно получается, и каковая их манера особенно тербит нервы более или менее нормального читателя.

Итак...

Милостивые, многочтимые и многоволевые, также конечно и многотерпеливые Государи мои и многоуважаемые, восхитительные и беспристрастные Государыни мои! Виноват, самое главное я упустил — и совсем ничуть не истеричные Государыни мои!

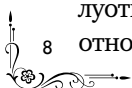
Имею честь уведомить вас, что, хотя в силу возникших на одном из последних этапов процесса моей жизни причин, я и приступаю к писанию книг, но что я в жизни моей еще никогда не писал не только книг или разных так называемых «поучительных-статей», но даже и такого письма, в котором непременно надо было бы соблюдать так называемую «грамматичность» и вследствие всего этого я, теперь хотя и становлюсь писателем, но, не имея решительно никакого навыка, как в установившихся всяческих писательских профессиональных правилах и приемах, так и в так называемом «бонтонно-литературном-языке», принужден буду писать совсем не так, как пишут обыкновенные «патентованные» писатели, к форме писания которых вы, по всей вероятности, уже давно привыкли, как к своему собственному запаху.

От всего этого в вас, по-моему, непременно возникнет досада, главным образом, от того, что ведь в вас еще с детства внедрен и до идеала хорошо сгармонизирован с вашей общей психикой для восприятия всяких новых впечатлений прекрасно действующий автоматизм, благодаря каковой «благодати» теперь вам во время вашей ответственной жизни ни в чем уже нет никакой надобности делать какое бы то ни было индивидуальное усилие.

Откровенно говоря, лично я центр тяжести в таком моем признании придаю не отсутствию у меня навыка для всяких писательских приемов и правил, а тому, что я не владею сказанным «бонтонно-литературным-языком», неизбежно требующимся в современной жизни не только от писателя, но и от всякого обыкновенного смертного.

Относительно первого, то есть моего незнания разных писательских приемов и правил, я почти не беспокоюсь.

Не беспокоюсь же на этот счет я потому, что такое «профанство» теперь в жизни людей уже сделалось тоже как бы в порядке вещей. Такая благодать возникла и в настоящее время всюду на Земле существует «припеваючи» благодаря той экстраординарной новой болезни, которой вот уже двадцать—тридцать лет заболевают почему-то те из числа всех трех полов наших людей, которые, во-первых, спят с полукрытыми глазами, и во-вторых — лица которых представляют из себя во всех

Эта странная болезнь выражается главным образом тем, что заболевший ею, если он — она или оно — немного грамотен и у него оплачена за три месяца вперед квартира, непременно начинает писать какую-нибудь «поучительную-статью» или целую книгу.

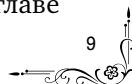
Хорошо зная про эту новую человеческую болезнь и ее эпидемическую распространенность на Земле, я, как должно быть вам понятно, вправе предположить, что и в вас приобретен в отношении ее, как бы сказали ученые медики, «иммунитет» и потому вы не будете так ощутительно возмущаться моим незнанием этих писательских правил и приемов.

Вот такое мое соображение и делает то, что я центр тяжести в моем предуждении усматриваю в своем незнании литературного разговорного языка.

В целях самооправдания, а также, может быть, для уменьшения степени порицания меня вашим бодрственным сознанием, за незнание такого необходимого в современной жизни разговорного языка, считаю необходимым сказать, причем со смирением в сердце и с зардевшимися от стыда щеками, и о том, хотя меня в детстве и учили такому языку, и даже некоторые подготавливавшие меня к ответственной жизни старшие, «не-экономя» всяких устрашающих средств, постоянно заставляли меня «зазубривать» множество разных «штрихов», составляющих в своей совокупности эту современную «прелесть», но к несчастью, конечно, вашему, из всего мною тогда вызубренного ничего во мне не усвоилось и для нужд этой моей деятельности, то есть писательской, — решительно ничего не уцелело.

А не усвоилось, как выяснилось про это совсем недавно, отнюдь не по моей вине и не по вине моих бывших почтенных и непочтенных учителей, а такой людской труд потратился всуе из-за одного невероятного, совершенно исключительного события, произошедшего в момент моего появления на свет Божий, заключавшегося в том, как это во всех деталях объяснила мне, после очень кропотливого, так называемого «психо-физико-астрологического» обследования, одна в Европе очень известная оккультистка, что в это время, через пробитую нашей шальной хромой козой в стекле окна дыру, врывались вибрации звуков, возникавших в доме соседа от фонографа Эдисона, а принимавшая меня повивальная бабка имела во рту лепешку, пропитанную кокаином германского производства, причем не эрзацного, и под аккомпанемент этих звуков она сосала ее без должного наслаждения.

Кроме такого редкого в житейской повседневности людей события, такой казус в моем теперешнем положении получился еще и потому, что в дальнейшей моей подготовительной и совершеннолетней жизни, о чем, признаться, я сам догадался после долгих размышлений по методу немецкого профессора Герр Штумпфзеншмаузен, я всегда избегал, как инстинктивно, так и автоматически, иногда даже сознательно, то есть принципиально, применять для взаимного сношения с другими такой разговорный язык. И в таком пустяке, а может быть и не пустяке, проявлялся я так опять-таки благодаря тем трем слагавшимся в моем общем наличии в период моего подготовительного роста данным, о которых я собираюсь осведомить вас немного позже в этой же первой главе моих писаний.

Как бы там ни было, но реальный, со всех сторон, как американская реклама, освещенный и не могущий теперь уже никакими силами быть измененным даже познаниями «обезьяньих-дел-мастеров» факт заключается в том, что я, считавшийся за последние годы очень многими людьми недурным учителем храмовых танцев, хотя и становлюсь с сегодняшнего дня профессиональным писателем и писать буду, конечно, много, как это еще с малолетства мне стало свойственно, чтобы все «если-делать-так-делать-много», но не имея, как вы видите, требующегося для этого автоматически приобретающегося и автоматически проявляемого навыка, принужден писать все мною задуманное простым, жизнью установленным, обыкновенным обывательским языком, без всякой писательской манипуляции и без всякой «грамматической-мудрежки».

Вот тебе и фунт с недовеском!.. Самого главного ведь мною еще не решено — на каком же разговорном языке я буду писать?

Хотя я и начал писать на русском языке, но с этим разговорным языком, как бы сказал мудрейший из мудрых, Молла Наср-Эддин — «далеко-не-уедешь».

(«Молла Наср-Эддин» или, как его еще называют, «Наср-Эддин Ходжа», в Европе и в Америке, кажется, мало знают, но его очень хорошо знают во всех странах материка Азии. Это легендарная личность, вроде русского «Козьмы-Прутков», американского «Дяди-Сэма» или английского «Джон-Буля». Этому Наср-Эддину приписывали и теперь продолжают приписывать многочисленные популярные в Азии рассказы в виде изречений житейской мудрости, как издавна существовавшие, так и вновь возникающие.)

Русский разговорный язык, слов нет, очень хорош; я даже люблю его, но ... только тогда, когда его употребляют для рассказывания анекдотов и для величания при упоминании чьей-либо родословной.

Русский разговорный язык вроде английского, который тоже очень хорош для того, чтобы в «смокинг-руме», сидя самому на одном мягком диване, а ноги протянув на другой, говорить об «Австралийском-замороженном-мясе», а иногда и об «Афганском-вопросе».

Оба эти разговорных языка подобны блюду, которое в Москве называют «солянка», а в эту «московскую-солянку» входит, кроме меня и вас, все что угодно и даже «послеобеденная чешмя» (Чешмя — вуаль) Шехеразады.

Надо сказать и то, что, благодаря всяким случайно, а может быть и не случайно сложившимся условиям моей юношеской жизни, мне хотя и пришлось научиться, причем очень серьезно и всегда конечно с самопринуждением, говорить и быть грамотным на многих разговорных языках и владеть ими в такой степени познаваемости, что, если в выполнении и такой экспромтом навязанной мне судьбой профессии, я решусь не воспользоваться «автоматизмом», который приобретается от практики, то мог бы, пожалуй, писать на любом из них.

А если поступить благоразумно и использовать такой, обычно приобретающийся от долгой практики всеоблегчающий, автоматизм, то мне следует писать или на русском разговорном языке или на армянском, потому что обстоятельства моей жизни за последние два-три десятилетия складывались так, что мне приходилось для взаимоотношений с другими применять только эти два разго-

ворных языка, следовательно иметь большую практику и приобрести в отношении к ним автоматизм.

Фу ты, рогатый!..

Даже для такого случая проявление одного из аспектов моей своеобразной психики, необычного для нормального человека, уже теперь начало всего меня издегивать.

Основная причина и для такого моего «несчастья» теперь в моем почти уже перезрелом возрасте получилась от того, что с малолетства в моей своеобразной психике внедрена вместе со множеством другого, тоже ненужного для современной жизни хлама, и такая еще присущность, которая всегда и во всем автоматически повелевает всему мне поступать только согласно народной мудрости.

В данном случае, как и всегда в подобных, еще неопределившихся житейских положениях, в моем, для меня самого до издевательства неудачно сконструированном, мозгу сразу вспомнилось и теперь в нем, как говорится, «копошится» то, существовавшее в жизни людей еще очень древних времен и дошедшее до наших дней, изречение народной мудрости, которое сформулировано следующими словами: «всякая-палка-о-двух-концах».

Если попробовать раньше понять скрытый в такой странной словесной формулировке основной смысл и действительное значение этого изречения, то в сознании всякого более или менее здравомыслящего человека должно прежде всего возникнуть предположение о том, что в основе совокупности идей, на которых базируется и из которых должен вытекать подразумеваемый смысл этого изречения, лежит, очевидно, та, веками осознанная людьми истина, которая говорит, что всякое явление, имеющее место в жизни людей, получается как целое от двух совершенно противоположного характера причин и, в свою очередь, создает два следствия тоже совершенно противоположных и вызывающих новые причины новых явлений, конечно, новых только по внешности; например, если уже получившееся от двух разных причин «нечто» порождает «свет», то оно неизбежно должно также породить явление, противоположное этому, то есть «тьму», или фактор, порождающий в организме какого-либо дышащего импульс ощутительного удовольствия, непременно породит в нем и противоположное, то есть неудовольствие, конечно, тоже ощутительное и так далее, и так далее, так всегда и во всем.

Применяя для данного случая эту сложившуюся веками народную мудрость, выраженную в образе палки, которая, как сказано, и действительно имеет два конца, из которых если один конец считать хорошим, а другой плохим, то и в данном случае всенепременно должно получиться, что если я теперь использую приобретшийся во мне только благодаря долгой практике упомянутый автоматизм и для меня будет это хорошо, то согласно этому изречению, без всякого сомнения для читателя должно получиться как раз обратное, а что такое обратное хорошему, всякий, даже необладатель, геморроя очень легко может понять.

Короче говоря, если я воспользуюсь своим преимуществом и возьмусь за хороший конец палки, то плохой конец ее неизбежно должен прийти «по-головам-читателей».

Это может действительно получиться так, потому что на русском разговорном языке нельзя выразить всяких, как говорится, «тонкостей» разных философских вопросов, каких вопросов я намереваюсь в последующих моих писаниях коснуться тоже не мало, а на армянском — это хотя и возможно, но зато, к несчастью всех армян, разбираться на нем о современных понятиях уже стало теперь совершенно немыслимым.

Исключительно для того только, чтобы облегчить в себе горечь внутренней обиды от этого, скажу, что в моей ранней молодости, когда я впервые стал интересоваться и очень увлекался филологическими вопросами, я полюбил этот армянский разговорный язык больше всех других, на которых я тогда говорил, даже больше моего родного языка.

Этот язык мне тогда очень нравился главным образом потому, что он был своеобразен и ничем не походил на другие, как соседних народностей, так и родственные ему языки.

Всякие его, как говорят ученые филологи, «тональности» были свойственны ему одному и, по моему даже тогдашнему разумению, он в идеале отвечал психике людей, принадлежавших к этой нации.

А за какие-нибудь тридцать–сорок лет на моих глазах этот язык изменился так, что в настоящее время вместо самостоятельного самородного, из глубокой древности до нас дошедшего языка, получился и существует, хотя тоже самостоятельный и своеобразный разговорный язык, но уже представляющий из себя, как можно было бы назвать, — «клоунского-жанра-попури-из-языков», совокупность созвучаний которого, при восприятии слухом человека более или менее понимающего и сознательно слушающего, отзывается только как «созвучания» турецких, персидских, французских, курдских, русских слов и еще каких-то совершенно «неудобоваримых» членораздельных звуков.

То же самое почти можно сказать относительно моего родного разговорного языка, — греческого, на котором я говорил в детстве и, как можно было бы сказать, «вкус-ассоциативно-автоматической-мочи», которого и по настоящее время сохранился во мне. На нем пожалуй я мог бы теперь выразить все, что хочу, но применять его для писания не имею возможности вследствие той простой и довольно-таки комической причины, что ведь надо же, чтобы кто-нибудь переписывал мои писания и переводил на другие требующиеся языки. А кто может это делать?

С уверенностью можно сказать, что даже самый хороший знаток современного греческого языка не поймет решительно ничего из того, что я буду писать на моем, усвоенном мною с детства, родном языке, потому что мои дорогие «однорассольники», увлекаясь и желая, во что бы то ни стало, и своим разговорным языком тоже походить на представителей современной цивилизации, за эти же тридцать–сорок лет с этим дорогим мне разговорным языком проделали то же самое, что и со своим армяне, желавшие походить на русских интеллигентов.

Тот греческий разговорный язык, дух и сущность которого передались мне по наследству, и тот, на котором теперь говорят современные греки, так же похожи друг на друга, как, по выражению Молла Наср-Эддина, — «гвоздь-может-быть-похожим-на-панихиду».

Как же теперь быть?

Э...э...эх! Ничего, почтенный покупатель моих мудрствований. Лишь было бы побольше «французского арманьяка» и «хайсарской бастурмы», а там я уже найду, как выйти даже и из такого трудного положения. Не привыкать стать!..

В жизни мне приходилось так много раз попадать в трудные положения и выходить из них, что для меня это сделалось почти делом привычки.

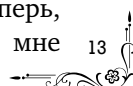
В данном случае пока что буду писать частью по-русски и частью по-армянски, тем более что для обоих этих разговорных языков здесь среди постоянно около меня «болтающихся» есть несколько таких, которые более или менее «могут» на обоих этих языках, и во мне пока имеется надежда, что они смогут переписывать и переводить с обоих этих языков для меня сносно.

На всякий случай еще раз повторяю, повторяю для того, чтобы вы помнили хорошо, а не так как вы обычно все помните и на основании такого вашего «помнения» привыкли выполнять данное себе или другим свое слово, что каким бы языком я ни пользовался, всегда и во всем я буду избегать употребления этого мною названного «бонтонно-литературного-языка».

Экстраординарно-курьезным и даже в высшей степени, пожалуй, выше обычного вашего представления, достойным любознательности фактом является то, что с самого детства, именно с тех пор, как зародилась во мне потребность разорять птичьи гнезда и дразнить сестер моих сверстников, с этих именно пор в моем, как называли это древние теософы, — «планетном-теле», но все же почему-то преимущественно в правой его половине, возникло какое-то инстинктивное непроизвольное ощущение, которое постепенно вплоть до того периода моей жизни, когда я сделался «учителем-танцев», оформилось в определенное чувство, а затем, когда благодаря этой моей профессии я стал сталкиваться с людьми разных «типностей», то постепенно убедился и сознанием своим, что подобные разговорные языки, или скорее так называемые «грамматики» таких языков составляются людьми, которые являются в смысле знания данного языка такими типами из среды нас, которых многоуважаемый Молла Наср-Эддин как-то характеризовал так: «Если бы их не было, то наши свиньи никогда не различали бы качества апельсин».

Этого сорта люди, приобретающие по достижении ответственного возраста в процессе нашей ненормальной жизни тоже из-за гнилой наследственности и тошнотворного воспитания свойства «моли-пожирательницы» такого именно рода добра, уготовленного и оставленного нам нашими предками и временем, не имеют никакого понятия и наверно даже не слышали о том явно кричащем факте, что в подготовительном возрасте в мозговой функционизации всякой твари, также конечно и у человека, приобретается особое определенное свойство, автоматическую осуществимость и проявляемость которого древние корколандцы и прозвали «законом-ассоциации», и что у каждой жизни, особенно у человека, процесс мышления его протекает исключительно в согласии с этим законом.

Ввиду того, что мне пришлось коснуться здесь случайно вопроса, сделавшегося за последнее время одним из моих, так сказать, «коньков», именно о процессе человеческого мышления, я считаю возможным, не дожидаясь предназначенного мною соответствующего места для освещения этого вопроса, уже теперь, в первой главе, высказаться хотя бы только относительно той ставшей мне

случайно известной аксиомы, что на Земле в прошлом во все века было обыкновением, чтобы всякий человек, в котором возникает дерзание иметь право считаться с другими и самому считать себя «сознательно-мыслящим», уже в начальные годы своей ответственной жизни был бы осведомлен о том, что вообще у людей имеются два рода мышления: один род — это мыслями, для выражения которых и употребляются слова, всегда имеющие в себе смысл относительный; а другой род мышления, который свойственен как человеку, так и всем животным есть, как я бы его назвал, «мышление-формой».

Этот второй род мышления «формой», которым и должен собственно говоря восприниматься и, после сознательного сопоставления с уже имеющимися сведениями, усваиваться точный смысл также и всякого писания, образовывается в людях в зависимости от условий географического места их нахождения, климата, времени и вообще всего окружающего, в которых произошло возникновение и протекало их существование до совершеннолетия.

Согласно этому в мозгу людей различных рас и положений и живущих в разных географических местностях, об одном и том же предмете или идее, или даже целом понятии, образуются совершенно самостоятельные некие формы, которые во время функционизаций, то есть ассоциаций, вызывают в их существе то или другое ощущение, субъективно обуславливающее определенные представления, какие представления и выражаются ими теми или иными словами, служащими только для внешнего субъективного выражения этих представлений.

Вследствие этого, для одной и той же вещи или идеи у людей различных географических местностей и рас, каждое слово приобретает очень определенное и совершенно различное, так сказать, «внутреннее-содержание».

Иными словами, если в общем наличии какого-нибудь человека, возникшего и оформившегося на какой-либо местности, слагается известная «форма» от результатов специфических местных влияний и впечатлений, и эта форма при ассоциации вызывает в нем ощущение определенного «внутреннего-содержания», следовательно и определенного представления или понятия, и для выражения этого он употребляет то или иное слово, становящееся для него в конце концов привычным и, как я уже сказал, субъективным, то другой слушающий, в существе которого относительно данного слова, благодаря иным условиям его возникновения и роста, образована форма с другим «внутренним-содержанием», — всегда воспримет и, конечно, неизбежно поймет под этим словом нечто, по смыслу совершенно иное.

Такой факт, между прочим, можно очень ясно констатировать при внимательном и беспристрастном наблюдении, когда присутствуешь при обмене мнений лиц, принадлежащих к двум разным расам или возникших и оформившихся на разных в географическом отношении местностях.

Итак, жизнерадостный и «куражополный» кандидат в покупатели моих мудрствований.

Предупредив вас, что я буду писать не так, как вообще пишут «профессионалы-писатели», а совсем по-другому, я советую, прежде чем приступить к чтению дальнейших моих изложений, серьезно подумать и только потом браться за чтение, а то может быть ваш слух и прочие восприимательные и переваривающие органы

так сильно уже наавтоматизированы к существующему в данный период течения времени на Земле «интеллигентно-литературному-языку», что чтение такого писания может подействовать на вас очень и очень какофонно и от этого вы можете потерять ваш ... знаете что? — ваш аппетит на любимое блюдо и на то чувство, особо теребящее ваше «нутро», которое происходит в вас при виде соседки-брюнетки.

В такой возможности от действия моего языка, собственно говоря, скорее от образа моего мышления, я, из-за множества повторявшихся в прошлом случаев, уже убежден всем моим существом так, как «породистый-осел» убежден относительно верности и справедливости своего упрямства.

Вот только теперь, после того, как я вас предупредил о самом главном, за дальнейшее я совершенно спокоен, так как если с вами произойдет какое-либо недоразумение из-за моих писаний, вы сами всецело будете виноваты, а моя совесть также будет чиста, как например ... у императора Вильгельма.

Вы наверно в данный момент думаете, что я, конечно, молодой человек с приятной наружностью и, как некоторые выражаются, «с-подозрительной-внутренностью», и, как начинающий писатель, очевидно намеренно оригинальничаю, чтобы сделаться, быть может, известным и, следовательно — богатым.

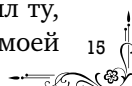
Если вы так действительно думаете, то очень и очень ошибаетесь.

Во-первых, я не молод — жил уже столько, что в своей жизни, как говорится, «съел собаку», и не одну собаку, а «целую псарню» — а во-вторых, вообще я не пишу для того, чтобы этим самым создать себе карьеру и стать на хорошие, как говорится, «житейские-ноги» благодаря этой профессии, которая, кстати сказать, по моему мнению, дает много шансов сделаться кандидатом прямехонько — в «ад», если вообще подобные люди могут своим бытием усовершенствоваться хотя бы до этого, за то что сами, решительно ничего не зная, пишут относительно всевозможных «небылиц» и этим самым, автоматически приобретая авторитет, делаются виновниками одного из главных факторов той совокупности причин, которые с каждым годом беспрестанно продолжают еще больше «размельчать» и без того уже чересчур размельчавшуюся психику наших людей.

А что касается моей личной карьеры, то, благодаря всем высшим, низшим и, если хотите, правым и левым силам, я давно ее осуществил и уже давно стою на хороших «житейских-ногах» и даже, пожалуй, на очень хороших, и уверен, что крепости их хватит еще на долгие годы на зло всем прошлым, настоящим и будущим моим врагам.

Да! По-моему не мешает вам сказать также относительно только что возникшей в моем, как в данный момент вам должно казаться, «сумасбродном», мозгу идеи, а именно, чтобы специально потребовать там, куда я отдам для печатания мою первую книгу, поместить эту первую главу моих писаний таким образом, чтобы всякий мог ее прочесть, еще не разрезая самой книги и узнав, что и все дальнейшее написано не обычно, то есть не для содействия производить очень гладко и легко в мышлении читателя разные возбуждающие образы и усыпляющие мечты, мог бы при желании без лишних разговоров с торговцем возвратить ее и получить обратно свои, может быть собственным потом добытые, деньги.

Я тем более сделаю непременно так, потому что сейчас опять вспомнил ту, случившуюся с неким закавказским курдом историю, которую я слышал в моей

еще совсем ранней юности и которая в последующей моей жизни при воспоминании о ней в соответствующих случаях всегда порождала во мне «долго-неугасаемый» импульс умиления.

По-моему, будет очень полезно как для меня, так и для вас, если я расскажу вам про эту историю, происшедшую с упомянутым закавказским курдом, немного подробнее.

Будет полезно, потому что мною уже решено самую вытекающую из этой истории «соль», или, как бы сказали современные чистокровные «дельцы-евреи», — «цимес», сделать одним из основных принципов общей той новой литературной формы, которую я собираюсь применить для достижения преследуемых мною целей через посредство этой моей новой профессии.

Этот закавказский курд как-то раз из своей деревни по каким-то делам отправился в город и там на базаре, в лавочке фруктовщика, увидел красиво устроенную выставку из всевозможных фруктов.

Среди этих выставленных фруктов он заметил один очень красивый как по цвету, так и по форме «фрукт», который по своей внешности так ему приглянулся и ему так захотелось его попробовать, что, несмотря на почти полное отсутствие у него денег, он решил непременно купить хотя бы только один такой дар Великой Природы и отведать его.

Тогда он, в большом возбуждении и с несвойственной ему смелостью, заходит в лавку и, указывая своим перстом, конечно мозолистым, на понравившиеся ему «фрукты», спрашивает у лавочника о цене. Лавочник ему отвечает, что фунт их стоит шесть грош.

Он, находя, что эта цена для такого по его понятиям «прекраснейшего фрукта» совсем не дорогая, покупает целый фунт.

Кончив свои дела в городе, наш курд в тот же день опять пешком возвращается домой в свою деревню.

Идя во время заката солнца по горам и долинам, волей-неволей воспринимаемая внешнюю видимость вообще очаровывающих частей лона Великой Природы, Общей Матери, и непроизвольно впитывая в себя чистый воздух, не отравленный обычными выделениями промышленных городов, ему очень естественно вдруг захотелось удовлетвориться также обычной пищей, и потому он, сев на краю дороги и достав из своего провизионного мешка хлеб и купленные приглянувшиеся ему «фрукты», стал не торопясь есть.

Но... О ужас! Очень скоро в нем все начало гореть.

Несмотря на это он продолжал свою еду.

Это несчастное двуное творение продолжало делать это только благодаря той самой особой, впервые мною отмеченной человеческой присущности, принцип которой я как раз имел в виду, когда предрешил положить его в основу созданной мною новой литературной формы, намеренно сделать одним из факторов, приводящих к намеченной мною цели, как бы сказать «руководящим-маяком», смысл и значение которого, я уверен, и вы тоже скоро поймете, конечно, согласно степени вашей сообразительности, во время чтения какой-либо из последующих глав моего писания, если конечно рискнете и будете читать дальше, а может быть вы уже «расчухаете» кое-что даже в конце этой первой главы.

Итак, в то время как наш курд был поглощен всеми в нем происходящими, ему несвойственными ощущениями от такой своеобразной трапезы на лоне природы, по той же дороге проходил его односельчанин, слышший среди своих за человека очень умного и бывалого, и он, видя что все лицо его земляка горит, а из глаз льются слезы, и что несмотря на это он, увлеченный как бы выполнением самого главного своего долга, продолжает есть настоящий «стручковый перец», говорит ему:

— Что ты делаешь, идиот иерихонский?! Ведь ты совсем сгоришь! Брось есть этот необычный и непривычный для твоей природы продукт.

А наш курд ему и отвечает:

— Нет, ни за что не брошу. Ведь я за них заплатил мои последние шесть грош. Если даже моя душа выйдет из моего тела, и то я буду их есть.

Сказав это, наш положительный курд — надо конечно полагать, что он был таковым — не прекратил, а продолжал есть «стручковый-перец».

После только что вами воспринятого, я надеюсь, конечно, только на всякий случай, что в вашем мышлении уже начинает возникать соответствующая мыслительная ассоциация, долженствующая в результате, как у некоторых современных людей иногда бывает, слагать то самое, что вы вообще называете пониманием и что в данном случае вы понимаете меня, именно: почему я, хорошо зная и неоднократно уже преисполняясь умилением от такой человеческой присущности, заключающейся в неизбежной проявляемости того, что, если кто заплатит за что-либо деньги, он должен использовать обязательно все до конца, воодушевился всем своим общим наличием возникшей в моем мышлении идеей, принять все доступные мне меры для того, чтобы вы, мой, как говорится, «ближний-по-аппетиту-и-по-духу», если бы оказались человеком, который уже привык читать хотя и всякие книги, но все же только написанные исключительно на упомянутом «интеллигентско-разговорном-языке», и, уже заплатив деньги за мои писания, только потом узнали бы, что они написаны не на том обычном для вас удобно и легко читаемом языке, не были бы принуждены в силу этой человеческой присущности дочитывать их во что бы то ни стало до конца, подобно тому, как принужден был это делать наш бедный закавказский курд с едой, приглянувшейся ему только пока по внешности, «шу-тить-не-любящего» благородного «красного перца».

Вот я и хочу, в целях избежания какого-либо недоразумения из-за такой присущности, данные для которой слагаются в общем наличии современного человека очевидно благодаря тому, что он часто посещает кинематограф и не упускает случая заглянуть в левый глаз особе другого пола, чтобы эта моя вступительная глава была напечатана сказанным образом и всякий мог бы ее прочесть, не разрезая самой книги.

В противном случае книжный торговец, как говорится, «прицепится» и непременно лишний раз проявит себя согласно основного принципа вообще торговцев, формулируемого ими следующими словами: «Ты-будешь-большой-дурак-а-не-рыбак-если-упустишь-рыбу-уже-дотронувшуюся-до-приманки», и разрезанную книгу не захочет принять обратно.

Относительно того, что это может так случиться, у меня нет никакого сомнения. Я вполне ожидаю такую с их стороны бессовестность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Доброжелательный совет автора читателю.	5
Глава 1. Бужение мысли	6
Глава 2. Пролог	35
Глава 3. Причина задержки падения судна Карнак	39
Глава 4. Закон падения.	46
Глава 5. Система Архангела Харитона.	49
Глава 6. «Перпетуум-мобиле»	51
Глава 7. Осознание настоящего существенного долга	54
Глава 8. Нахал-мальчишка Хассин, внук Вельзевула, дерзнул назвать людей «слизняками»	56
Глава 9. Причина возникновения Луны	58
Глава 10. Почему «люди» — не люди.	62
Глава 11. Пикантная черта оригинальности психики людей	66
Глава 12. Первое «оскаливание»	69
Глава 13. Почему в разуме людей фантазия может восприниматься как реальность.	72
Глава 14. Начало перспектив, обещающих не очень много веселого.	75
Глава 15. Первый спуск Вельзевула на планету «Земля»	77
Глава 16. Относительность понятия о времени	84
Глава 17. Архиабсурд	93
Глава 18. Архифантазия	102
Глава 19. Рассказы Вельзевула о своем втором спуске на планету «Земля»	120
Глава 20. Третий прилет Вельзевула на планету «Земля».	139
Глава 21. Первое посещение Вельзевулом Индии	152
Глава 22. Вельзевул впервые в Тибете	167
Глава 23. Четвертое самоличное пребывание Вельзевула на планете «Земля»	177
Глава 24. Прилет Вельзевула на планету «Земля» в пятый раз.	206
Глава 25. Пресвятой Ашиата Шиемаш, Свыше ниспосланный на Землю	225
Глава 26. Легомонизм относительно рассуждения Пресвятого Ашиата Шиемаш под названием «Ужас-Положения»	229
Глава 27. Какой строй существования создал для людей Пресвятой Ашиата Шиемаш	237

Глава 28. Основной виновник уничтожения всех пресвятых трудов Ашиата Шиемаш	251
Глава 29. Плоды древних цивилизаций и цветы современной	264
Глава 30. Искусство	286
Глава 31. Шестое и последнее пребывание Вельзевула на поверхности нашей Земли	331
Глава 32. Гипнотизм	352
Глава 33. Вельзевул, профессиональный гипнотизер	366
Глава 34. Вельзевул в России	374
Глава 35. Изменение предназначенного курса падения междусистемного судна Карнак	412
Глава 36. Еще чуточку о германцах	414
Глава 37. Франция	416
Глава 38. Религия	435
Глава 39. Святая планета «Чистилище»	465
Глава 40. Рассказ Вельзевула о том, как люди узнавали и вновь забывали относительно основного мирового закона «Эптапарашпинох».	506
Глава 41. Бухарский дервиш Хаджи-Асеац-Трув	541
Глава 42. Вельзевул в Америке	569
Глава 43. Взгляд Вельзевула на процесс периодического взаимоуничтожения людей	651
Глава 44. По мнению Вельзевула, понятие людей относительно справедливости в объективном смысле является для них «проклятым-миражем».	689
Глава 45. По мнению Вельзевула, добывание людьми электричества из Природы и уничтожение его во время использования является одной из главных причин сокращения длительности их жизни.	706
Глава 46. Вельзевул объясняет своему внуку значение избранной им формы и последовательности своего изложения сведений относительно людей.	716
Глава 47. Закономерный результат беспристрастного мышления	724
Глава 48. От автора	732
ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ	736
ДОБАВЛЕНИЕ	754